

Отзыв на диссертацию Мегема М.Е. «Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии», представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Исследование истории Великого княжества Литовского – давняя традиция отечественной исторической науки. Многие выдающиеся ученые занимались различными сюжетами из прошлого этого государства, чья история была тесно связана с российской. Неслучайным, поэтому, является обращение к историографии истории Литвы, которое предпринял М.Е.Мегем, – материала для анализа здесь достаточно.

Диссертант обратился к изучению средневекового периода Литвы в отечественной исторической науке, поскольку, по его справедливому замечанию, «как для дореволюционной, так и для советской историографии именно литовское средневековье являлось ключевым периодом литовского прошлого» (с.3).

Основное внимание автор уделит дореволюционной исторической науке, что, вероятно, закономерно, ибо именно в тот период был заложен фундамент в изучение основных сюжетов и направлений российской литуанистики.

Во Введении автор подробно характеризует историографию и источники темы. Автор упоминает все значимые труды своих предшественников, закономерно значительное внимание уделяя последним по времени крупным исследованиям А.И.Дворниченко и А.И.Филюшкина, при этом, как представляется, незаслуженно мало внимания уделяя работам А.М.Столярова (кстати, думается, не стоило - в случае несогласия с положениями предшественников – говорить о «слабых местах» в их построениях (с.21); лучше было бы сказать «спорных»).

Раздел источников показывает скрупулезный подход автора к работе, он исследовал подавляющую их часть. Поскольку работа его посвящена тематической историографии, а не персональной, то, наверное, было бы

чрезмерным требовать от автора привлечения источников личного происхождения (дневников, мемуаров, переписки ученых), хотя нельзя не признать, что причины появления той или иной книги или статьи, а также детали эволюции концепций при помощи такого вида источников могли бы быть раскрыты точнее. При этом автор излишне увлекся детализацией источников – вряд ли следовало делить монографии и статьи на две отдельных группы, грань между ними слишком тонка. Это увлечение привело его и к путанице в цифрах: в начале источниковедческого раздела упоминая о семи группах, он перечисляет в итоге только шесть (с.35-41).

Первая глава посвящена изучению истории средневековой Литвы в историографии XVIII - первой половины XIX в. Серьезной заслугой автора здесь является привлечение внимания к упоминанию литовской тематики в «Истории» В.Н.Татищева, что доказывает более ранний, чем предполагалось, интерес к этим сюжетам. Основное внимание, впрочем, Мегем закономерно уделит концепции Н.Г.Устрялова, охарактеризовав как ее научную, так и общественно-политическую составляющие. При этом для предшественников Устрялова главной была «тема борьбы русских княжеств с Литвой» и внимание концентрировалось на «захвате русских земель». «Исходя из этого, формируется образ Литвы: на первый план выдвигаются такие ее характеристики, как «неприятель», «опасный соперник» и «завоеватель». Эта позиция была довольно устойчива в научном дискурсе», - вполне доказательно утверждает диссертант (с. 60). Устрялов же кардинально поменял вектор – в его трудах ВКЛ впервые в российской отечественной исторической науке изображалось не как «враг» и «противник» Московского государства, а как один из центров собирания раздробленных русских территорий. «ВКЛ было таким же русским государственным образованием, как и Московское княжество, законно претендовавшим на наследство Киевской Руси. Конкуренция между двумя центрами, Вильно и Москвой, должна была обязательно закончиться их объединением, слиянием княжеств в одно целое» (с.71). При этом в диссертации справедливо утверждается, что

концепция литовской истории Н.Г. Устрялова первоначально не нашла поддержки в научной среде и оставалась в первой половине XIX в. исключением из правил (с.75).

Однако, как справедливо утверждает автор, эта точка зрения стала более распространенной во второй половине XIX – начале XX в., когда изучение истории Литвы было поднято на новый уровень. Проблемами ее истории занялась замечательная плеяда отечественных историков, взгляды которых Мегем анализирует во второй главе. Бесспорной заслугой автора является, в целом, вполне удачная попытка поместить исследования ВКЛ в общественно-политический контекст. Основное внимание при этом уделяется влиянию восстания 1863-1864 гг. Автор фактически считает появление литуанистических трудов реакцией на восстание, приводя в пользу этой точки зрения достаточно обширный исторический материал. По его мнению, историческая наука «позволяла, с одной стороны, закрепить Литву в сознании широкой общественности как «свою» территорию, с другой стороны — развенчать «польские мифы» и показать необоснованность польских притязаний на литовские земли» (с.89). Соглашаясь с этими положениями диссертанта, трудно, все же, безусловно принять его замечание о том, что «неспокойные» 1860-е гг. предопределили конфигурацию и тон изложения литовской старины» (с. 90) и еще более решительное утверждение, что «во второй половине XIX в., после «Январского восстания», перед учеными *была поставлена задача* (выделено мной. – С.М.) интегрировать литовское прошлое в официальную концепцию российской истории» (с.148).

Невозможно оспаривать положение, что историческая наука развивается в рамках общества и не может не откликаться на его запросы, но при этом все же нельзя забывать о внутренних законах развития науки, в том числе исторической. В этой связи не может не быть одной из причин появления интереса к истории ВКЛ именно как Литовско-Русского государства начавшаяся после появления обобщающего труда

С.М.Соловьева детализация изучения русской истории в рамках областнического направления. Во всяком случае, появление значительной части трудов киевской школы может быть вписано в этот тренд при учете, конечно, местных особенностей (в том числе, украинофильства ряда ее участников во главе с В.Б.Антоновичем и – позднее – М.С.Грушевским).

Автор диссертационного исследования значительное внимание уделяет творчеству историков начала XX в., справедливо полагая, что постепенный «уход «антипольскости» из отечественной науки в конце XIX – начале XX в. деактуализировал в российской историографии не только сюжет о Кривской унии, но также и идеологическую составляющую прошлого Литвы» и поэтому стало возможным появление не потерявших до сего дня значения обобщающих трудов М.К. Любавского и А.Е.Преснякова (с.149). Мегем справедливо полагает при этом, что основное внимание ими уделялось генезису и эволюции Литовско-Русского государства, а такой подход в итоге сузил оптику исследования собственно литовского прошлого (с. 111). При этом важным направлением стало признание ВКЛ как второго центра собирания русских земель, «Другой Руси» (прежде всего, в трудах Преснякова), а, в свою очередь, «важным элементом этого дискурса является тезис о преемственности киевской и литовской государственности. В данном случае речь шла о континуитете древнерусского, литовско-русского и московского прошлого» (с.130). Совершенно справедлив, в этой связи, вывод соискателя, что такое отображение литовского прошлого позволяло делать вывод о том, что вхождение территории Литвы в Российскую империю после разделов Речи Посполитой имеет под собой реальную основу, так как это «восстановление исторической справедливости» (с.134). Безусловной поддержки заслуживает и точка зрения автора на сочинения ученых-эмигрантов (во всяком случае, 1920-х – 1930-х гг.) как часть дореволюционной историографии.

Третья глава посвящена исследованию средневековой Литвы в трудах советских ученых. Автор подробно показал эволюцию отношения к ранней

истории ВКЛ в зависимости от политической конъюнктуры, особенно пристальное внимание уделив работам 1930-х годов. В итоге, после 1940 г. в советской историографии возобладал подход к «анализу исторических фактов, подтверждающих наличие “незыблемой” и “нерушимой дружбы” между русским и литовским народами в далеком прошлом» (с.176).

Заслуживает автор следует считать анализ институциональной составляющей развития исторической науки, в рамках которой проходило изучение ВКЛ. Значительное внимание при анализе трудов советских историков уделяется диссертантом сочинениям В.И.Пичеты и, особенно, В.Т.Пашуто. Автор, отмечая их высокую информативность и новизну подходов, что позволяет им использоваться до сих пор, не отрицает наличия определенной политической ангажированности, обусловленной временем их создания.

Итоговый вывод автора, сформулированный в результате анализа советской историографии, вполне убедителен. Мегем полагает, что «ученые провели селекцию литовского средневековья, отобрав из богатой событиями литовской истории факты, не противоречившие ключевым положениям официального нарратива». При этом «советская концепция нациестроительства вкупе с процессом включения территории Литвы в состав СССР предопределили появление сюжета, повествующего о давних и крепких семейных узах русского и литовского народов» (с.197).

Таким образом, перед нами самостоятельное законченное исследование важной актуальной темы, имеющее бесспорное значение для развития исторической науки. При этом, как любое научное сочинение, оно не идеально и отдельные замечания уже были высказаны выше. Можно добавить, что диссертацию обогатило бы более активное использование трудов ученых бывших союзных республик СССР, а теперь независимых государств. Во введении автор заметил, что «оставляет за скобками» советскую литовскую и советскую белорусскую историографии, «в которых порой появлялись альтернативные официальной трактовки литовского

прошлого» (с.6), но не объясняет почему он так поступает. Также не вполне доказательным выглядит уверенное утверждение автора, что центрами отечественной дореволюционной литуанистики были исключительно Москва, С.-Петербург и Киев. Между тем, например, крупнейший историк права ВКЛ Ф.И.Леонтович, хотя и принадлежавший к киевской школе в историографии, большую часть жизни проработал в Новороссийском университете в Одессе, а в конце жизни преподавал в Варшавском. Вероятно, более точным дефинициям здесь поспособствовало бы использование историографических работ Д.В.Карева и, особенно, Л.П.Лаптевой.

Из мелких замечаний отметим следующие:

- вряд ли стоило употреблять выражение «*заведующий кафедрой*» по отношению к 19 в. (речь о К.Н.Бестужева-Рюмине на с.97), это звучит как явная модернизация;

- не вполне ясна страсть автора к географической локализации того или иного автора, тем более, что она не всегда верна – определение Филюшкина и Дворниченко как петербургских историков (с.17, 19) заставляет читателя думать, что они принадлежат к некоей общей школе петербургского университета. Между тем А.И.Филюшкин вышел из Воронежской школы и переехал в Петербург, уже будучи состоявшимся исследователем. Неверно и некритично повторяемое вслед за В.Т.Пашуто определение дореволюционных авторов Ф.И.Леонтовича и М.Ф.Владимирского-Буданова как украинских только на том основании, что они преподавали в университетах Одессы и Киева (с.12). В отличие, например, от В.Б.Антоновича, оба они не были украинофилами по взглядам и ничего на украинском языке не опубликовали;

- знаменитый академик-византист В.Г.Васильевский в годы создания «Истории Вильно» был начинающим исследователем, преподавал в гимназии. Но при этом являлся историком по образованию и параллельно с преподаванием готовил магистерскую диссертацию, вскоре защищенную.

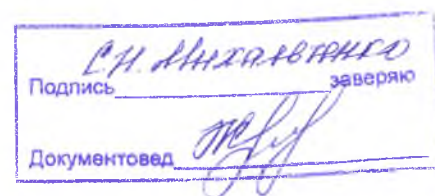
Так что называть его «местным краеведом» (с.122) (наряду с действительно краеведом Ф.Добрянским) – большое преувеличение.

Все эти замечания, однако, не отрицают общего положительного вывода – представленная диссертация соответствует п.9 «Положения о присуждении ученых степеней», опубликованные работы автора соответствуют тематике диссертации. Диссертация, безусловно, вносит много нового в изучение историографии Великого княжества Литовского, а ее автор, М.Е.Мегем, заслуживает присвоения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Доктор исторических наук, профессор,
директор НИИ фундаментальных и прикладных
исследований Брянского государственного университета
имени академика И.Г.Петровского

С.И.Михальченко

01.12.2018.

241050, Брянск, ул.Бежицкая, 14, БГУ. Тел.(4832)589339.

E-mail: nii589339@yandex.ru.